

ной; соседями и знакомыми всеми был любим и почитаем, недругов и врагов не имел из известных никого; имя носил доброго и честного человека, а сверх того было оно и во всем отечестве моем не только не безизвестно, но довольно и славно и таково, что многие желали меня видеть и со мною иметь знакомство. <...>; от приказных ссор и хлопот был освобожден (65-ой год, 168-169).

Таким образом, если рассматривать стихотворение 1796 года и письмо 1802 в свете философских воззрений Болотова, то они как будто дополняют друг друга: «Песнь...» излагает болотовскую телематологию, письмо – искусство быть счастливым. Но в стихотворении 1796 года перед читателем встает образ человека, уверенного в своем несовершенстве и униженно просящего Бога не оставить его своим попечением в дальнейшем, несмотря на «вины» и преступления, а в письме от 7 октября 1802 года Болотов стремится нарисовать фигуру умудренного опытом старца, оставившего свои грехи в прошлом. Даже к самым тяжелым из возможных утрат он готов отнестись со смирением и философским спокойствием. Так, о младшем внуке, который на момент создания письма находится вместе со своими родителями в отдалении, Болотов пишет: «Не знаю, угодно ли будет богу позволить мне сею младою и нежною еще отрослью моего дома и рода при старости повеселиться и не лишит ли он всех нас его в самом младенчестве»